

что числовые значения букв албанского алфавита зависели, подобно буквам алфавитов других народов, от места их нахождения в алфавите, можно сказать, что, вероятно, первые девять означали единицы, вторые девять — десятки, третьи — сотни и т. д.» [12, с. 43]. Автор настоящей статьи усматривает подкрепление подобной мысли, например, в том факте, что на круговой надписи на подсвечнике № 2 из Мингечаура, служившем, по-видимому, своего рода учебным пособием, записана последовательность первых 10 букв алфавита [4, с. 110]. Ориентация этого пособия на десятичный принцип счисления не должна смущать, поскольку аналогичная картина наблюдается и в грузинском алфавите, обслуживающем язык с четкой вигезимальной системой словообразования числительных (тем более оправданной такая ориентация представляется для письменности, обслуживавшей удинский язык, в котором наряду с вигезимальной системой словообразования числительных, характеризующей его варташенский диалект, в ниджском диалекте действует десятичная). Исходя из положения об одновременных цифровых функциях букв агванского алфавита, а также из известной практики датировки событий годами правления сасанидских монархов, которой придерживались и армянские надписи VI—VII вв., автор предложил рабочее чтение одного из фрагментов наиболее обширной агванской надписи на постаменте алтарного креста как 23 usena Xosro... 'на двадцать третьем году Хосрова...', которое указывало бы на дату основания мингечаурского христианского храма — 554 г. [13, с. 78], что оказывается в соответствии с точкой зрения азербайджанских археологов о том, что этот храм относится, вероятно, к VI столетию [14] (Хосров Ануширван известен по среднеперсидским надписям своей активной строительной деятельностью в Агвании, а также принятием на склоне лет христианства).

В силу чрезвычайной скудости известного эпиграфического материала и еще более фрагментарной его интерпретированности ведущая роль в определении фонетических значений его букв по-прежнему пока принадлежит воспроизведениям агванского алфавита в обеих армянских рукописях. Как показал А. Г. Шанидзе, приписанные им значения, несмотря на все неизбежно возникающие в ходе неоднократной переписки рукописей искажения (согласно его заключению, все представленные в них алфавиты восходят к спискам эпохи IX—X вв.), создают определенную основу для решения этого вопроса. Немало дают исследованию в последнем отношении параллелизмы этих воспроизведений с армянским и грузинским алфавитами, история которых в значительной степени известна. И, наконец, наименьшая роль в этом плане до последнего времени принадлежит предлагаемым рабочим чтениям самих текстов.

Нельзя не отметить, что применение к корпусу агванской эпиграфики статистико-комбинаторной процедуры поляризации графем для гласных и согласных (имеется в виду так называемый метод троек) в целом подтверждает соотнесенность их соответственно с вокалическими или консонантными фонемами [13, с. 74—76]. Так, графемы 1, 5, 13, 35, 47, а также лигатуры 53 и 54 определяются при этом как гласные (судя по аналогиям в порядке следования букв с обеими другими закавказскими графическими системами, еще два гласных передавались знаками 7 и 8), в то время как остальные графемы должны были соотноситься с согласными (имеются веские основания предполагать, что умлаутированные гласные отражают относительно позднее состояние удинского вокализма).

Анализ фонетических значений, приписанных буквам рукописных списков агванского алфавита, выполненный в основном А. Г. Шанидзе и А. Г. Абрамяном, руководствующимися идеей о его структурных аналогиях с организацией армянского и грузинского, а также с типичными для армянских рукописей ошибками переписчиков в записи этих значений, позволил внести в последние следующие коррективы [1, с. 30—37; 11, с. 27—34]: odet > bet, zim > gim, gaṭ > daṭ, eb > eb, en > en (здесь